

- ²⁴ Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков. Т. I. Л., 1975, 586.
- ²⁵ Joki A. Die Lehnwörter des Sajansamojedischen. Helsinki, 1952, 238.
- ²⁶ “Праславянский словарь” здесь следует за Ф. Безлаем, см.: *Bezlaj F. Eseji o slovenskem jeziku*. Ljubljana, 1967, 136.
- ²⁷ Чекман В.Н. К проблеме литовско-белорусских лексических связей // *Baltistica* VIII. 2. 1972, 152.
- ²⁸ Толстой Н.И. Избранные труды. Т. I. Славянская лексикология и семасиология. М., 1997, 264.
- ²⁹ Ср. рус. *живого места нет* ‘о том, кто избит, изранен’.
- ³⁰ В с.-хорв. *degati se* и лит. *daigótis* ‘ссориться’ усматривалась южнославянско-балтийская изоглосса без участия восточно- и западнославянских языков (см. Откупщиков Ю.В. Балто-славянская проблема (лексический материал и методы исследования) // *Baltistica* XXIV. 1. 1988, 12.
- ³¹ Непокупный А.П. Балтийская лексика в словаре “Беларускія геаграфічныя назвы” // *Baltistica* VIII. 1. 1972, 102.
- ³² См. также: Мурзаев Э.М. Словарь народных географических терминов. М., 1984, 493.
- ³³ См. также: Аникин А.Е. Этимологический словарь русских диалектов Сибири..., 495–496; Stachowski M. Notizien zur Etymologie der tschulymischen Gerätenamen // *Journal de la Société Finno-Ougrienne* 87. 1997, 244.
- ³⁴ Журавский А.И. Лексика тюркского происхождения в старобелорусском языке // *Тюркизмы в восточнославянских языках*. М., 1974, 93.

Ж.Ж. Варбот

К ЭТИМОЛОГИИ ПРАСЛАВЯНСКОГО НАЗВАНИЯ ИНЕЯ

Длительная история этимологического исследования праславянского названия инея, которое до недавнего времени всеми реконструировалось в форме **ǰьньǰь*/**ǰьньǰе*), выразилась в многочисленных версиях, в значительной степени корректирующих друг друга и убеждающих как в древности слова, так и в сложности его истолкования, вследствие чего авторы этимологических словарей обычно завершают соответствующие словарные статьи заключением о неясности происхождения лексемы. Наиболее известны и обоснованы следующие гипотезы: родство **ǰьньǰь* с лит. *ynis* ‘инея’ (Miklosich 96, далее так же Trautmann 104, Skok I, 727, Machek² 22 и нек. др.), но ср. мнение о вероятности заимствования балтийского слова из славянских языков (начиная с Педерсена¹ и кончая ЭССЯ 8, 236); родство **ǰьньǰь* с др.-прус. *ennoys* ‘лихорадка’ (при условии конъектуры прусской фиксации – *einoyis*) и происхождение из и.-е. **ein-* – основы, вариантной по отношению к **eis-* ‘лед, холод’, – гипотеза Траутмана (см. Топоров. Прус. яз. Е–Н, 52), но ср. критику вероятности и необходимости конъектуры в прусском Топоровым (там же): балтослав. **inja*/**inija* < и.-е. **ein-* как варианта и.-е. **eis-* (без прусского материала, см. Pokorny I, 301); возведение слав. **ǰьньǰь* к **ǰьsnija*, про-

изводному от той же основы и.-е. **eis-*, – гипотеза Х. Педерсена², однако неясны причины упрощения группы *sn* в праславянском; родство **ǰьльǰь* с др.-инд. *ēñī* ‘блестящий’ (Младенов 223); субстратное (угрофинское) происхождение слав. **ǰьльǰь* – ср. фин. *jieñp*, мордов. *eñ, eǰ, ev* ‘лед’ (Bezlej I, 211); производность **ǰьльǰь* от праслав. **ǰьль* ‘один’ при мотивации ‘первый (снег, лед)’ – первая версия О.Н. Трубачева³, с последующими авторскими сомнениями (ЭССЯ 8, 236).

Принципиально новым этапом этимологического изучения праславянского названия инея стала вторая версия О.Н. Трубачева, прежде всего в плане привлечения нового лексического материала: словен. *ivje* ср.р. ‘иней’ и русск. диал. *ивень, -вня* то же (ЭССЯ 8, 235). Из русской диалектной лексики сюда можно еще добавить арханг. *оивлеветь* ‘покрыться инеем’⁴, карел. *обывенеть, обывненеть* то же (Словарь Карелии 4, 128). Инославянский состав этой группы расширил далее Г. Шустер-Шевц: при отсутствии в лужицких языках (как и в польском) продолжений праслав. **ǰьльǰь*/**ǰьльǰьje*, на западной периферии ниже-лужицкого языка представлено *witowizna*, стар. *wiwowizna*, которое, по мнению Г. Шустер-Шевца, и может быть (при учете реальности появления начального *w* вместо *j* и гиперкорректного *t* вместо *w* в середине слова) продолжением праслав. *(*j*)*iv-*, отраженного в словенской и русской диалектной формах (Schuster-Šewc 21, 1599; причем автор отмечает и другие схождения лексики этих нижнелужицких диалектов с южно- и восточнославянскими языками).

Исходя из нового материала в сопоставлении с продолжениями праслав. **ǰьльǰь*/**ǰьльǰьje*, О.Н. Трубачев реконструировал праслав. **ǰьвьль*, объяснил **ǰьльǰь*/**ǰьльǰьje* как результат преобразования первичного **ǰьвьль* и истолковал **ǰьвьль* как производное от праслав. **ǰьва* ‘край ткани, длинная полоска’ (> болг. *ивá* ‘край ткани по длине’, *ивица* ‘длинная, узкая полоска, лента’, с.-хорв. *iva, ivica* ‘край, кайма ткани’, русск. диал. *ивá* ‘лук линейный *Allium lineare* L.’); последнее, вслед за К. Бугой, Трубачев связал с лит. *ievà* ‘гуж (в упряжи)’ и возвел к и.-е. **ei-ǰ-ā*, производному от глагола **ei-* ‘идти’ (ЭССЯ 8, 236, 249–250). Автор упомянул, однако, и о существовании контраргументов: лит. *ievà* ‘гуж’ толкуется как генетически тождественное с лит. *ievà* ‘черемуха’ (= слав. **ǰьва* ‘ива *Salix carnea* L.’) (см. Fraenkel I, 183); южнославянские лексемы, обозначающие края ткани, могут быть турцизмами – ср. тур. *yiv* ‘желоб, нарезка, шов, рубец’ (БЕР II, 3). Кроме того, рус. диал. *ивá* ‘растение лук линейный’ является вариантом тюркизма *юва*⁵.

Возможность указанного вариантного толкования славянских и балтийских соответствий для праслав. **ǰьвьль* ослабляет обоснование большей древности праслав. **ǰьвьль*, чем **ǰьльǰь*, что подводит к позиции Г. Шустера-Шевца, который рассматривает оба образования скорее как параллельные, не принимаемая, однако, определенного этимологического решения (Schuster-Šewc 21, 1599). На историческом равноправии двух основ базируется и толкование М. Сноя, возводящего **ǰьв-* и **ǰьп-* как вариантные расширения к и.-е. **ei-* ‘лед, холод’ (Snoj 190).

Возможность исконной вариантности основ *jъvьп- и *jьп- позволяет предложить еще одну версию их генезиса, которая оправдывается некоторыми типами мотивации и семантического окружения названий инея в русских говорах. Помимо уже учтенных при этимологизации слав. *jьпъjь и *jъvьпъ типов мотивации по связи с холодом, блеском и полосками ткани, в русских говорах примечательна продуктивность еще нескольких типов. Прежде всего, это обозначение инея как покрытия, ср.: волог. *о́хить* 'иней' при *о́хитка* 'одежда', арханг. *закухтать* 'закутать, тепло одеть; заиндеветь'⁶. Специфика этого покрытия, его консистенция детализируется типом мотивации, базирующимся на сравнении инея с различным рода сором, осадками, отходами, ср.: арханг. *ил* 'тина на воде; ледяная бахрома на деревьях', *заилеть* 'отстояться, опуститься илу на дно водоема; заиндеветь', *копоть* 'пыль; иней, изморозь', *цветьё* 'зацветшая вода; иней' (в последнем случае возможно параллельное развитие значений, см. ниже). Это уподобление лежит и в основе обратного направления развития значения в группе *кёржа* и *куржá* перм., том. 'иней, изморозь' (СРНГ 16, 123), арханг. то же и 'речной мусор, прибываемый к берегу', *куржáк* перм., арханг., урал. 'иней, изморозь', кемер. 'болезнь ржи, спорынья' (СРНГ 16, 124), арханг. *куржеха́* 'отходы при молотье, мякина; иней, снег на ветвях деревьев', *куржеви́на* волог., арханг., яросл., костр. 'иней, изморозь', волог. 'мучная пыль на мельнице около жернова' (СРНГ 16, 124): исходным для русского *куржа* является значение 'иней', поскольку это прибалтийско-финское заимствование (< карел. **kuurža*, ср. фин. *kuura* 'иней')⁷. Специфика консистенции инея отмечается и мотивацией по признаку 'пушистое, мохнатое', что выражается в производности от названий пушистых предметов, животных, птиц: волог. *кужель* 'пучок обработанного льна, приготовленного для прядения; иней', арханг., волог. *зайко*, *зайцевина*, *зайчик*, *зайц* 'пятно инея в углу дома', арханг. *ягушек* *впустить* 'открыть дверь избы в мороз, что приводит к обындеванию стен' – ср. *ягушка* 'овечка'; волог. *кунный* 'пушистый' и *куной* 'заснеженный, заиндеветый', арханг. *куропоть*, *куропти* 'куропатка; (мн.) иней, изморозь в углу избы'. Ср. и *куржеви́на* волог. 'иней', арханг. 'звериная шкура' (СРНГ 16, 124) – вероятно, с обратным семантическим развитием ('иней' → 'мех', см. выше о *куржа*)⁸. Наконец, как следствие отмеченности признака пушистой консистенции может рассматриваться совмещение в семантике ряда лексем значений 'иней' и 'кудрявая зелень', 'заиндеветь' и 'покрываться листвой': ср. волог. *кужель* 'пучок обработанного льна (шерсти), приготовленного для прядения; кудрявая ветка дерева; соцветие' и *кужель* 'пучок обработанного льна, приготовленного для прядения; иней', волог. *окужлявьеть* 'покрыться листвой' и *окужляветь* 'заиндеветь', *окунеться* 'заиндеветь; покрыться листвой', карел. *окунтиться* 'покрыться листвой, инеем (о деревьях, лесе)' (Словарь Карелии 4, 191). Ср. еще производ-

ное от *куржа* 'иней' волог. *куржлявый* 'с пышной листвой, кудрявый' (СРНГ 16, 125); арханг. *цветьё* 'иней' (это значение может быть параллельным с 'зацветшая вода', см. выше); *огудиветь* 'заиндеветь' (Словарь Карелии 145) – от *огуда* 'ботва'.

Отмеченное сравнение инея с листвой может, однако, отражать не только сходство в пушистой консистенции, но и некоторую общность в метеорологических условиях: если пышная листва – признак весеннего обновления деревьев, весеннего тепла после зимних морозов, то иней – следствие потепления после морозов, облегчения, отпуска морозов. Поэтому представляется возможным восприятие этого атмосферного явления также как своего рода обновления, сопоставимого с весенним цветением. Ср. русск. диал. твер. *мóлодь* 'молодой побег растения', волог. *мóлоди* 'молодая поросль леса, молодой лес' (СРНГ 18, 230) и арханг. *мóлоди* 'первый слой инея на деревьях' (правда, в последнем случае в семантике слова присутствует также значение 'пена на поверхности пива', но его первичность по отношению к значению 'иней' не обязательна; ср. выше о *цветьё*). К этому следует, возможно, присоединить отмеченность инея в народных представлениях как предвестия будущего богатого урожая плодов, зерна⁹.

Приведенные выше наблюдения относительно семантических связей названий инея в русских говорах и предложенное истолкование отраженных в них представлений об инее позволяют, кажется, предполагать генетическую принадлежность праслав. **jьvьль* и **jьvьльь* к гнезду и.-е. **jьц-* 'молодой'. Семантическим основанием для этой гипотезы является многокомпонентность понятия молодости, отраженная в производных этого гнезда и его этимологических связях. Здесь присутствуют многочисленные обозначения молодых существ (особенно бычков и телок, но среди славянских производных есть и польск. *junosza* 'молодая овца' – ср. выше мотивацию названий инея по сходству с ягнятами); семантика молодости развивается в обозначениях расцвета сил, обновления (лат. *juventa, juvenesco*) и первой растительности (лат. *juventa* 'первый пушок на лице юноши' – ср. выше мотив пышности и сравнение инея с пышной зеленью); наконец, по гипотезе О.Н. Трубачева, и.-е. **jьц-* 'молодой' генетически связано (как '*нежный, мягкий') с и.-е. **jьц-* 'смешивать, месить' → 'смягчать' (ср. мотив осадков, отходов в названии инея?), причем к последнему возводится праслав. **jьгь* '*южный теплый ветер, оттепель, таяние' (< '*мягкий', ЭССЯ 8, 192, 196–197) (ср. условия появления инея – оттепель).

Непосредственным структурным источником праслав. **jьvьль* и **jьvьльь* представляются варианты индоевропейские *-n*-основы, производные от не сохранившихся в славянских языках вариантов и.-е. корня **jьц-* – **jьц-/jьй-*. Основа **jьцеп-* отражена в лат. *juvenis*, др.-инд. *yávan-*, авест. *yavan-* (< **yuvan-*) 'молодой, юноша' (Рокоту I, 510; Топоров. Прус. яз. I–K, 24). К этой основе возводимо и праслав. **jьvьль* (относительно преобразования *-en-* > *-ьl-* ср. русск. *камень, камня*). Вариант и.-е. **jьп-*

дал др.-инд. род. ед. (к *uivan-*) *uīnaḥ* и *jūti* 'девушка', авест. род. е. *uīnō* (там же). При возведении к этой индоевропейской форме второй вариант праславянского названия инея должен реконструироваться как **jīnъьь*.

Примечания

- ¹ Pedersen H. // Materiały i Prace Komisji językowej Akademii umiejętności w Krakowie. I, 2, 171.
- ² Ibidem.
- ³ Трубачев О.Н. // О составе праславянского словаря (проблемы и результаты) // Славянское языкознание. VI Международный съезд славистов (Прага август 1968 г.). Доклады советской делегации. М., 1968, 378.
- ⁴ Картотека Словаря говоров Русского Севера (Уральский Государственный университет. Кафедра русского языка и общего языкознания). Предоставлением мне материалов Картотеки по разделу 'иней' (выборка осуществлена аспиранткой И.Н. Суспицной) я обязана проф. Е.Л. Березович, за что и приношу свою искреннюю благодарность.
- ⁵ Аникин А.Е. Этимологический словарь русских диалектов Сибири. Заимствования из уральских, алтайских и палеоазиатских языков. Новосибирск, 1997, 225.
- ⁶ Здесь и далее при отсутствии особых ссылок на источники, используются материалы Картотеки Словаря говоров Русского Севера (см. прим. 4).
- ⁷ Аникин А.Е. Указ. соч. 341.
- ⁸ Существенность признака пышности для инея позволяет предполагать, что преобразование праслав. **ъььььь* в н.-луж. *wiłowizna* (стар. *wiwowizna*) (см. выше) объясняется не столько фонетическими процессами, сколько народно-этимологическим сближением с н.-луж. *wił* 'спутанные волосы, колтун'.
- ⁹ Славянские древности. Этнолингвистический словарь / Отв. ред. С.М. Толстая. Т. 2. М., 1999, 413–414.

Т.В. Горячева

К ЭТИМОЛОГИИ ВЫРАЖЕНИЯ “ИЗ-ЗА ЧЕГО СЫР-БОР ЗАГОРЕЛСЯ?”

В современной этимологической лексикологии все большее внимание обращается на устаревшие словосочетания (фразеологизмы), поскольку специфические условия длительного консервативного употребления лексем способствуют сохранению архаических не только форм их, но и значений. Представляется, что одним из объектов этимологического внимания должно стать выражение *сыр-бор загорелся*, употребляющееся в литературном языке только в переносном значении и, возможно, реализующее весьма архаичные смыслы составляющих его лексем.

Выражение *сыр-бор загорелся* в значении 'о большом шуме (из пустого)' встречаем уже у Михельсона, он приводит, в частности, следующую